

Пушков Алексей

Алексей
ПУШКОВ:

Моск. правда - 2003 - 14 ноября - с. 13

Рельсы до сих пор ждут Ельцина

Мой собеседник - тележурналист, один из наиболее ярких политических обозревателей России. В конце девяностых годов прошлого века Алексей Константинович Пушков стал автором и ведущим новой аналитической программы «Постскриптум» на канале ТВЦ, в которой поднимает острые вопросы, вместе с гостями обсуждает наиболее общественные проблемы. Программа быстро завоевала популярность. Недавно «Постскриптуму» исполнилось пять лет...

- Конец девяностых, пожалуй, один из наиболее интересных периодов в политике последнего времени. Наверное, именно поэтому у вас и возникла идея создать аналитическую программу «Постскриптум»!

Политическая программа для меня была естественна, потому что я пришел на ТВ из мира политики. В течение трех с половиной лет работал консультантом в международном отделе ЦК. В составе руководства канала ОРТ в 1995 - 1998 годах я занимался связями с общественностью, с Госдумой, с прессой, Советом Федерации, то есть тоже политической работой. На экране я тогда тоже появлялся: на ОРТ не было других фигур, способных на должном уровне беседовать, скажем, с канцлером Гельмутом Коелем, а не просто зачитывать по бумажке вопросы. Но основная моя деятельность все-таки была политической. И мне хотелось сделать именно политическую программу - в отличие от некоторых ведущих, вброшенных в журналистику волной изменений в этой стране. Скажем, был некий человек, который некоторое время вел программу «В постели...». После этого он сказал, что хочет стать политическим аналитиком... На мой взгляд, пусть он лучше остается «в постели...».

- Многие считают, что в политике нельзя быть честным. Вы с этим согласны? Что для вас означают такие понятия, как честность и нечестность, применительно к политике?

- В политике быть полностью открытым, прозрачным и всегда говорить правду просто невозможно. Тут нельзя не лукавить. Но одно дело лукавство, другое - откровенная ложь. Есть огромное количество способов, которые позволяют не лгать и в то же время не говорить о том, что хотелось бы скрыть до определенного момента. Думаю, искусство настоящего политика в этом и состоит: если он не хочет чего-то говорить, то и не обязан этого делать. В политике есть возмож-

ность не лгать. И надо стараться не лгать.

Нечестностью я считаю, когда человек дает обещания, которые заведомо не может выполнить. Борис Николаевич Ельцин в свое время кричал, что ляжет на рельсы, если шахтерам вовремя не выплатят зарплату. Рельсы до сих пор ждут Бориса Николаевича: он на них так и не лег, а шахтеры свои деньги вовремя так толком и не получили.

Сказать, что это ложь, не могу. Наверное, в то время Ельцин думал, что этот вопрос вскорости решится. Но не предпринял никаких шагов, чтобы разрешить проблему. Вот это нечестно. Люди, между прочим, до сих пор помнят его заявление. Необдуманные слова запоминаются моментально.

Кроме того, нечестно менять позицию в угоду политическому моменту. Конечно, взгляды людей меняются. Но нельзя предавать свое мнение только потому, что сместились акценты. Например, есть у нас известный политик - громогласный, шумный, крикливый. Он занимал очень жесткую позицию по США, всегда их критиковал. Но когда Путин стал постепенно сдвигаться к сотрудничеству с американцами, этот политик приходит ко мне в студию и начинает говорить прямо противоположное тому, что утверждал десять дней назад. Я напомнил ему об этом. Но он заявил, что уже изменил свою точку зрения. Почему - ясно. Вот это нечестно. Таким образом, политики наносят вред не столько обществу, сколько самим себе.

- На экране вы производите впечатление человека с жесткими взглядами. Я бы сказала, занимаете агрессивную позицию. Вы согласны с тем, что вашу программу можно назвать политической агрессивной?

- Многие считают мою программу таковой. Но это своеобразная агрессивность. Скажем, Березовский в свое время хотел иметь агрессивную программу на ОРТ, чтобы с ее помощью уничтожить сво-

их политических противников, а ее ведущий должен был выступать в роли бульварного политика и глотать их тазобедренные кости. У меня другая агрессивность - оценочная. Программа «P.S.» - жесткая по подходу. Я просто не считаю нужным замалчивать некоторые вещи, о которых другие молчат. Например, сейчас на первый план вышла проблема русскоязычных граждан в Латвии. Там торжественно открыли памятник воинам СС. Где наши правозащитники? Почему они кричат по поводу Чечни, но совершенно игнорируют то, что происходит в Латвии? Почему их так волнует судьба всех, кроме русских? Об этом я говорю с экрана. Поэтому иногда меня считают агрессивным. Но я уверен, что о политической проституции надо говорить вслух и не бояться называть вещи своими именами. Мы не должны политкорректно закрывать глаза на лицемерие, обман и двойную мораль.

Но при этом я никогда не ставлю перед собой задачу уничтожить конкретного человека. Я критикую людей только по политическим параметрам. Скажем, личная жизнь, здоровье и человеческие симпатии Анатолия Чубайса меня не интересуют. Предмет моего анализа - то, что он делает в политике и как это отражается на жизни общества.

- Как-то в одном из ваших интервью вы сказали, что многие журналисты борются с российским государством как таковым, делая вид, что искореняют остатки коммунизма. А вы пытаетесь бороться с помощью программы «Постскриптум» за светлое будущее России?

- Мы живем в переходный период, и многие люди не задумываются, чего мы хотим достичь в итоге. На мой взгляд, этот период может быть переходным к двум состояниям. Либо к состоянию сильной демократической развитой современной державы, которая будет одной из ведущих стран мира. Либо к состоянию, близкому к полукolonialному прозябанию. При втором сценарии страна будет развиваться медленно, все выкачанное из нее средства будут вывозиться за рубеж, все, что имеет ценность, скупят иностранные компании, и мы станем зависимой страной. Я выступаю за первый путь. Хочу видеть Россию такой же мощной, какой сейчас является Америка, только без американской дури.

- В одном интервью в 2001 году вы говорили, что важнейшая задача Совета по внешней и оборонной политике, в руководство которого вы входите, - доводить до властей положения общества в сфере внешней политики. Рассказывать зрителям о событиях в стране и анализировать их - это и есть основная задача телевидения!

- Однажды Путин, выступая перед журналистами, сказал: «Если мы будем ошибаться, вы нас правите». Пресса - главный инструмент контроля со стороны общества над властью. Когда человек получает власть, он тут же стремится использовать ее с выгодой для себя. Если его вовремя не ограничить, это будет происходить бесконечно.

Задача телевидения - не просто информировать о происходящем, но и контролировать в этом смысле власть и крупный бизнес. Вот сейчас развивается дело ЮКОСа. До своего ареста Михаил Ходорковский ходил и всем объяснял, как плохо с ним обходятся. Но помните, в свое время руководитель «General Motors» заявил: «Что хорошо для «General Motors», то хорошо для Америки». Это был ясный слоган: «GM» считает себя такой частью крупного бизнеса, чьи интересы неразрывны с интересами народа Америки. Может ли Ходорковский сказать аналогичную фразу о ЮКОСе? Думаю, не осмелится. ТВ и пресса не должны подыгрывать ни власти, ни крупному бизнесу. Это их важнейшая задача.

- Вы как-то охарактеризовали газету «Нью-Йорк таймс» как либеральную, но допускающую вы-

ступления левых и правых публицистов. Есть ли сегодня, на ваш взгляд, такие универсальные политические СМИ в России или каждая программа придерживается своей позиции?

- Ни одно СМИ не может существовать без позиции - у газеты или программы должен быть свой взгляд на вещи, это нормально. У нас уже научились давать слово политическим оппонентам: в либеральных телепрограммах появляются коммунисты, а в программах государственных часто появляются правые. Как бы скептически я ни относился к Жириновскому, он бывает у меня в программе. Также я известен своей небольшой любовью к партии СПС, но неоднократно приглашал и Ирину Хакамаду, и Бориса Немцова, и Бориса Надеждина. Но сохраняется одна крупная проблема: наши СМИ по-прежнему рассматривают политическую борьбу как последний решительный бой, в СМИ продолжается гражданская война. Например, на канале НТВ еще не так давно не мог бы появиться человек, который не поддерживал бы точку зрения Гусинского. Там не было прямой цензуры, но существовала жесточайшая политика отбора, туда могли попасть только люди, разделявшие взгляды хозяина или готовые принять их. Там не мог работать интересный публицист, у которого была бы другая идеология. И в «Советской России» не может появиться человек, мыслящий рыночными категориями. Вот это я считаю неправильным. Получается, что мы живем по-прежнему в обстановке «холодной» гражданской войны. Это печально. Мы должны жить в диалоге и в спорах. И газета «Нью-Йорк таймс» показывает, что это возможно. Наши СМИ вовлечены в подспудную войну по поводу выбора пути нашего государства. Так не должно быть.

- Вы опытный политолог и телеобозреватель. На ваш взгляд, чего сегодня не хватает российским политическим программам?

- Не хватает глубины. Многие программы - царство банальности. Телекомментаторам нужно быть менее идеологичными и более глубокими, стараться выискивать суть событий. Вот как-то наш министр культуры сделал совершенно безобразную передачу, в которой заявил, что русский фашизм хуже немецкого. Это не только глупо, но еще

и безнравственно. Это безнравственная постановка вопроса, потому что любой фашизм плох. Здесь встает проблема: нашему политическому телевидению не хватает нравственности.

- Сегодня «Постскриптум» - одна из самых популярных политических программ на телевидении. Но в течение пяти лет ее имидж практически не менялся. Каким бы вы хотели видеть образ программы в будущем?

- Я бы хотел, чтобы программа существовала не сама по себе, не в «блестящей изоляции», а чтобы она максимально вписалась в логику канала. Здесь есть проблема: к сожалению, ТВЦ пока не имеет обширной корсетки за рубежом. В идеале необходимо иметь свое бюро в Вашингтоне, в Западной Европе, в Азии. Хотелось бы, чтобы программа выходила не только за счет моих интеллектуальных возможностей и творческих возможностей моей команды, а чтобы мы были важной, но все же частью информационно-политической службы всего канала. Как это делается и на ОРТ, и на РТР, и на НТВ. Во время важных событий - и не только - на программу «Вести недели» работает практически вся служба информации. «Постскриптуму» сегодня больше всего не хватает телевидения. Программа гораздо более интеллектуальна, чем я хотел бы ее видеть. В нашей программе мало сюжетов с мест, приходится отражать события с помощью аналитики.

- Сейчас на телевидении все чаще можно увидеть постановочные программы, для которых сценарий пишется заранее. Вы тоже обговариваете с собеседником за кадром предполагаемые вопросы и ответы?

- Как правило, у меня - «живое» интервью. Но бывает, что какие-то вещи с гостем мы обсуждаем заранее, когда мало времени для беседы, а за пять-шесть минут нужно затронуть основные вопросы. Но в живом интервью есть больше возможностей вызвать человека на откровенность, увидеть его реакцию. Зрителю интересно непосредственное общение.

- Можно ли говорить, что телевидение журналистики имеет преимущества перед газетной? Вы имеете опыт работы в обеих сферах.

- Не во всех ситуациях тележурналистика имеет больше плюсов. Но в некоторых отношениях она,

персональная анкета

Мое любимое место в Москве Воробьевы горы осенью.

Основная черта моего характера упорство в делах и в мыслях.

Лучший отдых для меня горные лыжи.

Моя вредная привычка курение трубки.

Мое настроение зависит от того, удалось ли мне ответить на профессиональный и человеческий вызов.

Я бы пожертвовал всем ради кружки пива летом на берегу моря, а зимой в снегах - ради стакана грога.

Я больше всего не люблю, когда мне пытаются диктовать условия.

Я не был бы счастлив, если бы не моя жена.

несомненно, выигрывает у печатной. К преимуществам тележурналистики можно отнести оперативность, возможность быстро оказываться на месте событий, присутствовать при ходе истории, а также огромный охват аудитории. Прямой репортаж из Багдада - это фактически присутствие там, где делается история. Степень моей известности сейчас и в то время, когда я был заместителем главного редактора в очень популярных «Московских новостях», сравнить невозможно, хотя я много печатался в газете. Телевидение дает огромные возможности влияния на аудиторию и не только словами, но и мимикой, интонацией, паузами. Тележурналистика - это и театр, и шоу со всеми входящими в него элементами. Главный же недостаток тележурналистики - ее поверхностность. Для тележурналиста главная задача - ухватить новость и быстро ее осветить, а для газетчика - осмыслить и осознать событие.

- Недавно было принято очень жесткое законодательство, сильно ограничивающее освещение выборов на телевидении. Вы думаете, это правильное решение?

- Я считаю, это удар по самим

выборам. Ведь Россия существует через телевизионное пространство, оно объединяет страну. Именно телевидение дает общее представление о нашей политике, и если убрать элементы рекламы и саморекламы, люди просто не ощутят, что идут выборы. С другой стороны, закон прав в том смысле, что в ходе предвыборной агитации у нас слишком много черного PRа.

- Многие телевизионщики со временем плавно переходят в политику. Вы готовы в будущем заниматься государственной деятельностью?

- Вы правы, многие заигрывали с политикой, работая на телевидении. Некоторые шли в депутаты, другие становились оппозиционерами, боролись с президентом. Правда, мало кто из телевизионщиков в политике прижился - но это другой вопрос. Политика соседствует с телевидением. Для меня переход в нее был бы естествен, но я пока еще не определился со своим участием в государственной деятельности. Не закрываю для себя такой возможности...

Беседовала
Инна ШКАРБАНОВА.